

Ильина Е. Н. Транспорт и пути сообщения в языковой картине мира вологодского крестьянина : традиции и новации / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44.

Ilyina, E. N. (2023). Transport and Means of Communication in Language Worldview of Vologda Peasant: Traditions and Innovations. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44

**Транспорт и пути
сообщения
в языковой картине мира
вологодского крестьянина:
традиции и новации**

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук,
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

**Transport and Means
of Communication
in Language Worldview
of Vologda Peasant:
Traditions and Innovations**

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology
Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

© Ильина Е. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению записей диалектной речи, вербализующих представления сельских жителей Вологодской области о системе транспорта и путей сообщения. Объектом анализа является лексическое множество названий транспортных средств и путей сообщения, а также корпус текстов. Информанты подробно дифференцируют дороги с точки зрения возможностей их использования в летний или зимний период, для пешего, лыжного, колёсного, санного, гусеничного, волокушного и пр. перемещения. С дорогой связаны многие традиционные верования и обычаи диалектоносителей. Информанты, живущие вблизи судоходных рек и крупных озёр, воспринимают перемещение по воде как одну из обыденных составляющих транспортной системы, тогда как живущие вдали от водных объектов относятся к водному транспорту с осторожностью и предубеждением, подчёркивая опасность водной стихии. Наиболее яркие впечатления диалектоносителей о перемещении в пространстве связаны с воздушным транспортом. Повествование об этом событии облекается в жанровую форму «рассказ-пластинки», занимающего промежуточное положение между бытовой и фольклорной несказочной прозой. Однако такие рассказы, как правило, повествуют о первом или единственном в жизни информанта авиапелёте.

Ключевые слова:

диалектология; севернорусские говоры; культура повседневности; транспорт; бытовая проза; фольклорная несказочная проза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of records of dialect speech, verbalizing the ideas of rural residents of the Vologda region about the system of transport and means of communication. The object of analysis is the lexical set of names of vehicles and means of communication, as well as the corpus of texts. Informants differentiate roads in detail from the point of view of the possibilities of their use in summer or winter, for walking, skiing, wheeled, sledge, caterpillar, sled, etc. transportation. Many traditional beliefs and customs of dialect speakers are associated with the road. Informants living near navigable rivers and large lakes perceive movement by water as one of the ordinary components of the transport system, while those living far from water bodies treat water transport with caution and prejudice, emphasizing the danger of the water element. The most vivid impressions of dialect speakers about movement in space are associated with air transport. The narrative of this event is clothed in the genre form of a “story-plate”, which occupies an intermediate position between everyday and folklore non-fairy-tale prose. However, such stories, as a rule, tell about the first or only air flight in the life of the informant.

Key words:

dialectology; northern Russian dialects; culture of everyday life; transport; household prose; folklore fairy tale prose.

Транспорт и пути сообщения в языковой картине мира вологодского крестьянина: традиции и новации

© Ильина Е. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Феномен диалектной языковой картины мира, активно обсуждаемый в течение нескольких последних десятилетий представителями различных диалектологических центров, весьма подробно описан на материале севернорусских диалектов, в том числе и на материале вологодских говоров [Мир вологодского крестьянина ..., 2004; Народная речь Вологодского края ..., 2015; Режские тексты ..., 2016 и др.]. Учёные сосредоточили своё внимание на лексике наиболее показательных тематических объединений, называющих явления природы [Ганичева и др., 2011], характеризующих человека [Зубова, 2017; Ильина и др., 2019 и др.], описывающих предметы и явления бытовой и духовной культуры [Режские тексты ..., 2016 и др.]. Объектом анализа были также фразеологический фонд исследуемых говоров [Андреева, 2015 и др.], система народного речевого этикета [Зорина, 2012; и др.], внутренняя форма производных слов различных частей речи [Кирилова, 2008; Драчева, 2011 и др.], а также отдельные явления их грамматической системы [Яцкевич, 2013 и др.]. Активизации диалектологических исследований в этом направлении во многом способствовал сбор лексического и текстового материала, организованный по программе-вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров» (далее ЛАРНГ) [Программа ..., 1994]. Один из тематических разделов этой программы посвящён изучению традиционной транспортной системы, включающей в себя пути сообщения и транспортные средства. Предварительные результаты работы с этим материалом были опубликованы нами ранее [Ильина, 2022], однако расширение географии записей локального речевого контента и проблематики его описания потребовало продолжения исследования. В данной статье приводятся результаты наших наблюдений, сделанных на основе корпуса высказываний пожилых сельских жителей Вологодского края, выражающих представления о сложившейся на Русском Севере системе путей сообщения и традиционных транспортных средств. Особое внимание в своей работе мы уделяем записям устных рассказов информантов о воздушном транспорте. Анализ публикаций по русской диалектологии показал, что лексический и текстовый материал, связанный с этим видом транспорта, ранее не становился объектом научного описания. Ги-

потеза исследования заключается в том, что воздушный транспорт при всей его востребованности и достаточно давнем и активном использовании в сельской местности воспринимается нашими информантами через призму мифологического сознания в контексте типологических свойств диалектной картины мира, а рассказы о воздушных перелётах совмещают в себе свойства бытовых и фольклорных жанров несказочной прозы, реализуя информативную, фатическую и поэтическую функции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследуемый в работе речевой материал был собран автором данной статьи или при его непосредственном участии в ходе направленной беседы по программе-вопроснику ЛАРНГ с информантами — уроженцами различных районов Вологодской области. Собранный речевой контент был зафиксирован в тематических тетрадах, оформленных по рекомендациям ЛАРНГ и в равной мере сочетающихся в ответах на вопросы общерусскую и локально ограниченную лексику исследуемых говоров. Часть собранных материалов была внесена в картотеку «Словаря вологодских говоров» как совокупность микротекстов, иллюстрирующих семантику диалектных слов. Попутно фиксировались более объёмные устные рассказы, повествующие о каких-либо знаменательных событиях в жизни информантов, так или иначе связанных с перемещением в пространстве. Некоторые из таких рассказов публиковались нами ранее [Народная речь ..., 2012; Народная речь ..., 2017 и др.]. Интерпретация речевого материала осуществлялась с помощью метода научного описания с применением различных видов лингвистического анализа, в том числе лексико-семантического, морфемного и словообразовательного анализа слов, контекстуального анализа их репрезентации в речи, а также сюжетно-тематического и семантико-синтаксического анализа оценочных высказываний в диалектных текстах. Подобного рода методика работы с диалектным материалом была апробирована нами ранее на материале иной тематической отнесенности [Ильина и др., 2019 и др.]. В результате работы с собранным в полевых условиях корпусом высказываний о транспорте мы обратили внимание на то, что представления вологодских крестьян о путях и средствах передвижения органично сочетают в себе и следы глубокой архаики, и новации, порождённые научно-техническим прогрессом.

Традиционная для северной деревни система путей сообщения и транспортных средств включала компоненты перемещения в наземной (сухопутной) и водной среде. Основу этой системы составляли **сухопутные** средства перемещения, включающие в себя **колёсный** (*тележина* 'телега' У Кольки Маркелова *вот тележина дак добра, и сейчас не довелась, стоит* [КСВГ];

двоеколка ‘телега с двумя парами колёс’» *Раньше всё боле двоеколки делали* [СВГ, т. 2, с. 10]; *тавричанка, таратайка* ‘двухколёсная ручная тележка, предназначенная для хозяйственных нужд’ *Тавричанка в углу стоит, наклади кип да привези* [СВГ, т. 11, с. 4]; *Дорога-то худая была, вот на таратайках и возили* [КСВГ] и др.), *санный* (*ропуски* ‘крестьянские сани для перевозки сена и дров’ *Всё ездили на ропусках за дровами* [СВГ, т. 9, с. 66]; *чунки* ‘небольшие сани, санки’ *На чунках снегу-то навозим да всю куцию водой и обольём* [СВГ, т. 12, с. 54]; *корёхи* ‘санки с сидением для катания с гор’ *А робята-те зимой дак всё больше на корёхах катались с горок-то, со скамейками которые* [СВГ, т. 3, с. 104] и др.) и *волокушный* (*волокуша, волочажки* ‘приспособление для перевозки сена, соломы, брёвен, сделанное из двух ветвистых берёз, скреплённых перекладной’) *Сено-то к стогам на волокушах подвозят. Отдохнитё, пока волочажки-то не привезли* [СВГ, т. 1, с. 79—80]) транспорт. Сухопутные пути сообщения — *дороги*, являясь основным средством связи сельского поселения с окружающим миром, становились базовым элементом культуры [Картышева и др., 2012]. Неслучайно поэтому в речи жители северной деревни отражаются самые разнообразные признаки этих объектов: значимость дорог в зависимости от их расположения и размера (*Пойдите на большак-от, дак и уедете* [СВГ, т. 1, с. 37]; *Тропина-то к озеру Круглому идёт, раньше и до Вазеренец доходили, а ноне и не знаю: заросла, поди* [СВГ, т. 11, с. 61]; *По большаку километров двадцать, когда и подвезёт кто на лошаде, а дальшие уж тропкой* [КСВГ]), возможность использования дороги в летний или зимний период (*Зимником называют дорогу, когда много саней по ней издит, зимник — это уж основной путь* [СВГ, т. 2, с. 170]; *Бывало, затемно ишию срядимся, да и пойдём зимняком в лес* [СВГ, т. 2, с. 171]; *Литником, когда, дак далеконько, а как замерзёт, дак зимарём-то шибко хорошо, уж к ночи дома будёшь!* [КСВГ]), особенности рельефа местности, по которой проложена дорога, а также пересечений её с другими дорогами (*Выходишь на повёрки, дорога вправо, дорога влево, вот и повёрка* [СВГ, т. 7, с. 78]; *С Вазеринец дак сначала просеком попойдёшь, потом лывой, эдак до криуля, а там смотри — повёртка будет до нас, а зевнёшь, дак на Мыс упрёссё* [КСВГ]), качество поверхности (*Нонче-то дорога худая, вся в кальи розмята* [СВГ, т. 3, с. 34]; *Идёшь, а дорога-то всё кальковатая* [СВГ, т. 3, с. 34]; *Дорога распустилася: ни проехать нельзя, ни пройти* [СВГ, т. 9, с. 34]; *Ямистая шибко дорога. Шибко ямиста* [СВГ, т. 12, с. 135]; *Путнёй-то дороги, поди, до Оденёва, а потом всё кальги* [КСВГ]) и др. Отдельные названия имеют обочина дороги (*Ты на лисапеде-то видишь, как машины-ти идут, дак съезжай на обочень* [КСВГ]), различного рода углубления и выбоины (*Ямина у Зауломского порядочная была, дак еле трактор-от Колюшка вытащил. И по кальгам из-*

дили, как больно-то надэ, уж куда деватьсё! [КСВГ]), а также особенности дорожного покрытия (*Асфальту-то до нашёго Борбушина не доклали, пои, полкилометра, но так-то дивья доёжжат, заулумскийё кооператоры грунтовку проложили, молоко возят, тут дак по глинё как-то издим да по пёску, а возле Колиного дому дак вообще по дерну кувыркаессё!* [КСВГ]). Совершаемые в пути действия также имеют местные названия: *натокать* 'послать, направить' (*Я вас натакаю, где ягод-то много, дак скоро и насобираете* [СВГ, т. 5, с. 77]; *И никто-то не натакал, куда ехать-то — полдня произдил, пока искал* [КСВГ]), *обойтись* 'разминуться, не встретиться в дороге' (*Вот мы как с тобой, Ньюрушка, обоилсё-то, дева? Обоё в лавку одной дорогой ходим* [КСВГ]), *опнутьсся* 'передохнуть, сделать остановку в пути' (*Прибегу на Улому, не опнуйс путьём, а уж домой пора — робьята ждуть* [КСВГ]) и др. Информанты описывают различные народные традиции, связанные с дорогой: это и благопожелания, адресуемые отправляющемуся в дальний путь (*Вы за деревню-то выйдитё, а там и Бог по пути, здесь грязное место только* [СВГ, т. 8, с. 112]; *А пожелаю я вам: не пень, не колода, а путь да дорога!* [СВГ, т. 8, с. 112]), и запреты, так или иначе влияющие на успешность или неуспешность путешествия (*Собралсё, дак систи надо посидеть, чтобы в путь пошло. С места ходят! Иишо скажи: «Дай-ко, Господи, туда доехать и назад вернуться!»* [КСВГ]), и гадания, осуществляемые на перекрёстках дорог (*Бывало, девками ходили на дорогу гадать. На перекрестьё дорог. Ночью-то страино! Иишо зачёртимсё: «Черти, чертитёсь, бесы, беситёсь, сам сотона, выходи со дна!» И слушаём, с какой стороны зьякнёт кому — туда и взамуж отдадут. Мне чё-то ничё не приближивало, а вот маме моёй, Анне Александровне, колокольчик, она говорила, почувалсё — дак с той стороны, с Уломы тятя иё и высватал»* [КСВГ]) и пр. (подробнее об этом см.: [Андреева, 2018 и др.]).

Перемещение сельских жителей *водным путём* было распространено меньше, оно зависело от наличия или отсутствия в окрестностях поселений судоходных рек и значительных по объёму озёр. Жители прибрежных деревень охотно вспоминают связанные с водой традиционные сельские трудовые занятия, в том числе и достаточно интенсивные перемещения водным транспортом как на малые, так и на большие расстояния: *Население этих деревень кроме хлебопашества, занималось отходным промыслом, как до революции, а так и после революции. Мужчины в основном занимались постройкой деревянных судов — ба(р)ж, до революции — для хозяев лесопромышленников, а после для Советского государства. В то давнее время не существовало судоверфей, а строили на берегах реки Сухоны и маленьких рек, в падающих в Сухону — Стрелицы, Векшеньги и Глухой, не далеко от деревен где проживали сами строители <...> Прочая, кроме*

специалистов, рабочая сила — а в основном женщины, занимались заготовкой дров в лесу, они же и вывозили на лошадах на берег реки Сухоны и до готовности постройкой барж, разделявали дрова на полено-аршинку и потом грузили в баржи, спущенные на воду и подведенные к месту складке готовых дров. Причем все эти операции проводились в ручную, в плоть до подводки барж к складкам дров, т.к в то давнее время парашодов еще не было, то и до города Вологды, уже груженные баржи с дровами приводили ручной тягой через-ворот, или конной по берегу Сухоны, Вологды, в плоть до самого покупателя, кому они были проданы Лесоторговцем¹ (В. А. Морозов. «Памятка о прожитом», подробнее см.: [Ильина, 2018]).

В лексиконе информантов достаточно широко представлены названия маломерных речных судов (долблѣнка 'лодка, выдолбленная из цельного бревна' *Ныне долблѣнок уж не делают, все лодки покупные* [СВГ, т. 1, с. 39]; дубас 'выдолбленная из осинового колоды лодка с наращенными для её устойчивости бортами-крыльями из досок' *Дубас — что и буса в Наволоке. Видели, через озеро издят?* [СВГ, т. 1, с. 62]; ушкуня 'лодка' *Ушкуню-то крепко привязал? А то ветер подует и унесёт её в озеро* [СВГ, т. 11, с. 165] и др.), а также различных видов государственного речного транспорта, активно использовавшегося на Вологодчине в 30—80-е годы XX века: *По Сухоне дак чѐо только не ходило! Я до Слободки и на комете ежживала, и на метеоре — вечером седѣшь, а утром уж у Мариш с Геннадийѐм* [КСВГ]; *На попутке до города, потом в Горщицы, оттуда метеором до Девятин, потом ишишо до Вытегры автобусом да до посѣлка сорок километров!* [КСВГ].

Наблюдения показывают, что в речи диалектоносителей соседствуют названия **традиционных** транспортных средств (*На чѐм возили? А чего надо, дак на том и возили. За сеном дак на волокушах али зимой на чунках. На телегах возили, на санях. Телега, пои, у Игоря-то плахинского не одна ишишо исятко* [КСВГ]) и **современных** механизмов (*У Юрки дак какого места нету: трактор с телегой — это раз, ишишо, пои, с колхозу, косилка старая — это два, евовная лежковушка, и Колька ишишо издит одна, худая — дак это три, пои-ко, с половиной, да мотоцикл за рыбой на озѣра издить, да моторка, да Люба на лисапедѣ почту возит — и пальцей, смотри, не хватает!* [КСВГ]), в том числе предназначенных для перемещения в водной и воздушной среде (*У их казанка худая стала, до сего году на Белоусовом озере и потонула* [КСВГ]; *Павлуха ихний на вертолѣтах выучилсѣ*) [КСВГ]). В записях двух последних десятилетий информанты более активно упоминают современный автодорожный транспорт (*В кажном дому по машине, дак дивья издить-то! А мы-то как петалисѣ на по-*

1 Сохранена орфография и пунктуация рукописного источника.

путках! [КСВГ]) на фоне сожалений об утрате возможностей передвигаться по региону воздушным и водным путём: *И вокзал-то речной пожгли, а чё — стоит, мотыляётся, пароходы уж коего году все нарушили, теперь до Слободки дак как до Луны добираться, с Вологды кругалём до Шуйского, а там уж, можот, на лодке кто доведёт?* [КСВГ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Малая авиация» в картине мира вологодского крестьянина

В силу удалённости многих сельских поселений от административных центров области, а также несовершенства системы автомобильного и железнодорожного сообщения в регионе ресурсы «малой авиации» оказали заметное влияние на представления местных жителей о локальной транспортной системе. По свидетельству специалистов, изучающих историю развития авиации в Вологодском крае, в период её расцвета (50—80 годы XX века) авиапарк малых воздушных судов области насчитывал до полусотни единиц техники, на обслуживании Вологодского объединённого авиаотряда находились самолёты ПО-2, АН-2, АН-12, ЯК-12, ЯК-40, ИЛ-18; вертолёты МИ-1, МИ-2, МИ-8; для их эксплуатации на территории области существовало более 28 аэродромов и посадочных площадок [Ильин и др., 2018]. Малые воздушные суда, помимо грузовых и пассажирских перевозок, использовались для различного рода сельскохозяйственных, лесотехнических и мелиоративных работ, способствовали оказанию скорой медицинской помощи, осуществляли патрулирование территорий для предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, привлекались для проведения аварийно-спасательных и поисковых работ. Фоновая информация об этом присутствует в устных рассказах диалектоносителей о ведении сезонных полевых работ («*Раньше и пахали поля-ти, и с самолёта удобреньё сытали, а теперь вон всё олешнягом затынуло*» [КСВГ]), охоте и рыбной ловле («*Иишо река путём не встала, а оне-то и поёрлись на радостях, дак хорошо — вертолётном снесли дураков, ни которой не потонул!*» [КСВГ]), чрезвычайных ситуациях и происшествиях, свидетелями которых был рассказчик («*Мужика одного прихлопнуло, хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!*» [КСВГ]). О привычности перемещения сельчан авиационным транспортом повествует Александр Яшин — один из родоначальников «деревенской прозы» второй половины XX века: «*Из самолетов АН-2 выходят жители вологодских и костромских деревень, хлеборобы, служащие. У старушки, одетой в дубленый полушубок, в руках фанерный чемоданчик и тусок, наверное, с рыжиками: видно, отправилась старая «на города», на побывку к сынку или к дочери <...> Все очень буднично. Но именно эта будничность и волнует: авиация вошла*

в быт <...> Покупают билеты, выстраиваются в очередь к самолету. Я слежу: не охнет ли хоть одна старушка, не перекрестится ли? Нет, ни одна не перекрестилась, ко всему привыкли» («Вологодская свадьба») [Яшин, 1962, с. 3]. Подтверждения тому же можно найти в рассказах пилота I класса Николая Павловича Шаброва — уроженца Кирилловского района Вологодской области, вошедших в электронный корпус материалов о языковой личности [Ганичева, 2015]. Пример подобного рода текста приводится нами ниже.

«А нам сказали, на Ан-2 полетим? И всего-то три места, правда, нас тоже трое!» — так встретили меня пассажиры, которых я должен был везти в Кириллов. Но я не обиделся. Сказал, что Як-12 — это как на такси. И скорость почти такая, как на Ан-2. Зато всё видно: и налево, и направо. А на Як-12 даже удобнее, чем на Ан-2. Уж я-то знаю. Самолётик маленький, да удаленький <...> Мне досталась база в Великом Устюге. Началась работа — полёты по патрульным кольцам (их два — северное и южное), захватывающие восточные районы области: Нюксеницкий, Кич-Городецкий, Никольский — в зависимости от класса горения. Какой класс горения по одному и другому маршруту, определяет лётчик-наблюдатель. Летаем, бывает, по обеим маршрутам. До обеда — по северному, после обеда — по южному. Или до обеда — по южному, а после обеда вожу пассажиров в Кич-Городок или Никольск. А пассажиры готовы улететь хотя бы на метле! Летом их невозможно всех развезти. Дорог нет, вся надежда на самолёты. В Великом Устюге Ан-2 базировались два. Вот так с 15 мая по 15 сентября. И командировка проходит быстро. Закончилась! Вылетаем на Вологду, в отпуск. А из отпуска снова на Як-12 до новой весны! Всю зиму вожу пассажиров, почту, грузы. Конечно, невелика загрузка, 250 килограмм. Это три пассажира, два, один и груз остальное до этого веса».

Однако, несмотря на относительную ценовую доступность пассажирских авиаперевозок в указанный выше период, для многих наших информантов перемещение по воздуху было событием экстраординарным. Поэтому среди наших экспедиционных записей обращают на себя внимание рассказы о личном опыте перемещения сельских жителей на воздушном судне. В качестве примера приведём рассказ сельской учительницы Анны Алексеевны Шабровой, 1911 г. р., уроженки Кирилловского района Вологодской области, записанный автором статьи в 1997 году.

Вот, девки, расскажу, как к Галинке на свадьбу лётала в Вытегру. Уж сколько Ольга-та с девками на эту Вытегру намаялась издить, как Павел-то с Витькой, по кой-то лешой, съехали туды в леспромхоз работать! На попутке до города, потом в Горницы, оттуда метеором до Девятин, потом ишиш до Вытегры автобусом да до посёлка сорок километров!

Да с робятам, да со труньём, дак понеси-ко, водяной, и с Вытегрой-то ихней! Девки выросли, выучились, Галька зубным техником, вот и нашла себе Игоряху-то, дак зовёт: «Едь, баушка!» А в декабре, дак как? «А, — говорит, — самолётом!» Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась! «Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?» Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? Сижу. «Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы ишию, а тут дак только косточки сбрыкают!» Ну, ладно. Маленько постоели, (самолёт. — Е. И.) побежал, уши как заложило — ой! Чёо да как, а смотрю — и оторвались, и летим. Уж нас, девки, и поболтало! Я уж какиё от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала! А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов. Мне — видит, что я уж помирать собралась — говорит: «Баушка, не бойсь, у нас командир хорошой, нормально долетим!». Потом снижаться стали, дак думала, уши лопнут! И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал. «Ну, — говорят, — полёт окончен, выходите!» Вроде, почувствовалась, а встать не могу — забыла, что верёвкой-то привязалась! Как-то отпугалась, котомку забрала, а ноги не больно дёржат. Ну, иду, а уж меня кличут: «Где гражданка Шаброва, Анна Алексеевна? Пройдите туда-то!» Галя, смотрю, да с жёнихом. Ну, ладно! Обратно после выходных летела, дак уж я не так боялась, уж чёо?».

Имея возможность фиксировать речь этого информанта длительное время, мы обратили внимание на повторяемость этого сюжета в более или менее свёрнутом виде¹. Исследователи жанровой специфики литературно-разговорной и диалектной речи определяют тексты-воспоминания подобного рода как *рассказ-пластинку* [Китайгородская и др., 1999] или *устойчивый рассказ из жизни* [Гольдин, 2002]. Характеризуя жанровую специфику подобного рода рассказов, следует обратить внимание на то, что они находятся на пересечении бытовой и фольклорной несказочной прозы [Букринская и др., 2014]. Они вполне отчётливо выделяются внутри монологической речи информанта, так как имеют чётко выраженные начало и конец повествования, в них ярко проявляются авторское отношение к описываемым событиям и их оценка, для убедительности присутствует множество деталей и подробностей, повествователь активно использует форму прямой речи, различные средства выражения диалогичности и экспрессивности, делая собеседника как бы непосредственным участником

1 *«И я лётывала к им, к Гальке на свадьбу. Год, poi, восемьдесят пятой был али восемьдесят шёстой. Ну, думаю, люди как-то лётают — а я чем хуже? Села, приготовилась дрожать, а мне леденцей надавали, воды, лимонаду всякоо — кушай, баушка! Я пока телилась, дак уже и Вытегра, и дрожать нековда!» (запись 1999 года).*

или наблюдателем описываемых событий, стремясь поделиться опытом и одновременно развлечь слушателя. Общими для устноречевого диалектного нарратива здесь будут информативная функция текста, а также коммуникативная установка на достоверность произошедшего, а фольклорную его составляющую определяют включение в повествование вымысла как средства объяснения непонятных и необычных явлений действительности, а также отсутствие воспроизводимости конкретных речевых формул при повторяемости мотивов и сюжетов, транслирующих стереотипные правила мироустройства [Цивьян, 1985, с. 163]. Понимая вслед за М. М. Бахтиным речевой жанр как относительно устойчивый тип индивидуальных высказываний, который определяется сферой использования языка и зависит от коммуникативной ситуации [Бахтин, 1979, с. 250—251], мы можем определить подобный текст как рассказ информативного характера, транслирующий личный опыт говорящего как сочетание логизированной и эмоциональной информации [Черванева, 2017, с. 76], реализующий одновременно назидательную и эмоциональную функции в ситуации доверительного общения.

Повествование в подобного рода рассказах имеет определённую сюжетно-фабульную основу, композиционно оформляясь вокруг чудесного события — перемещения людей с помощью летательного аппарата.

Завязка обычно повествует о некоем важном поводе для перемещения по воздуху: *Вот, девки, расскажу, как к Галинке на свадьбу лётала в Вытегру¹; Мужика одного прихлопнуло, хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!; Дали дедку моему путёвку, до Вологды Толя Коква его довёз на ПАЗике, а оттуда самолётом*. Как правило, информанты подчёркивают, что выбор иного способа передвижения был невозможен из-за отсутствия технических возможностей «...зовёт: «Едь, баушка!» *А в декабре, дак как? «А, — говорит, — самолётом!*», из-за недостатка времени (*хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!*), а также по причинам морально-этического свойства (*Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась!*).

Далее рассказ обычно включает в себя подробное описание деталей предметного мира: **объектов** инфраструктуры — строений (*Аэропорт большинской мне показался, автостанции дак поболее; Кукурузники летали, дак много ли им надо, такая, поди-ко, домушка, то ли сарайка — ну, зайти чтобы*), взлётно-посадочной полосы (*В Кириллове у нас была полоса, в Шоле ещё, в Белозерске; Самолёту полосу надо, а на вертолёте дак Павлуха вон на косу у фермы садился — и вся полоса!*), самого лета-

1 Здесь и далее цитируются материалы личного архива автора статьи.

тельного аппарата (*Самолётом в Турцию с Людкой летала, дак какие́ оне топерь большии́!*), вспомогательных устройств и механизмов (*Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки?*; *Подъехала кака-то таратайка с чемоданам — смотрю, грузят, и наши с дедком чемодан положили*) и пр., а также **субъектов** — пилотов (*Лётчики вышли — по-старше мужичок и совсем робята двоё, ну, после армии, можот*), членов экипажа (*А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов*), сотрудников наземных служб (*Деушка в форме нас собрала, сказала за ёй идти, дак мы и пошли к самолёту-то*), пассажиров (*Смотрю: как-то все путнё сидят, один только дедко охаёт да кристициё, тожо, поди, как я, первой раз полетел*) и провожающих / встречающих их людей (*Ну, иду, а уж меня кличут: «Где гражданка Шаброва, Анна Алексеевна? Пройди-тё туда-то!» Галя, смотрю, да с жёнихом*). Стремясь сделать свой рассказ более понятным адресату сообщения, привлечь его внимание, а также вписать новый опыт в сложившуюся картину мира, повествователь сравнивает наблюдаемые предметы с другими, уже хорошо знакомыми и привычными ему: *автостанция, домушка, сарайка* (строение в пункте взлёта или посадки летательного аппарата), *верёвка* (ремень безопасности), *молоко* (облачность), *пилик* 'бумажный или полиэтиленовый пакет' [СВГ, т. 7, с. 58] (гигиенический пакет) и др.; именует субъектов действия привычными словами, дифференцирующими участников полёта по половозрастным признакам: *мужик, парень, деушка, дедко* и др.

Развитие действия связано с обстоятельствами начала движения летательного аппарата (*Маленько постоели, (самолёт. — Е. И.) побежал...; Вертушка закрутилась эдак быстро, винт-от, трава под им ходит, всё, и летит*), собственно полётом (*Чёо да как, а смотрю — и оторвалисё, и летим; Летели часа, пои, два*) и завершением движения (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*). Информанты детально описывают наблюдаемые объекты (*Оболоко везде, как молоко; Сверху дак какоё всё малюхонькоё!*), свои физиологические ощущения (*уши как заложило — ой!*; *Думаю: чёо вон все пилики подоставали, а как начало трясти, дак и я вся переблевалась*), действия (*Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? Сижу; Я уж какие́ от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала!*) и эмоции (*Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась!*). Повествователь, как правило, акцентирует внимание на динамичности происходящего (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*), в качестве кульминации рассматривая переход от движения на земле собственно к полёту (*Вертушка закрутилась эдак быстро, винт-от, трава под им ходит, всё, и летит*). Этот переход

описывается как *чудесное событие*, сопровождаемое изменением внешнего вида наблюдаемых объектов (*Сверху дак какоё всё малюхонькоё!*), а также физиологического и эмоционального состояния наблюдающего полёт субъекта (*Дедко мой уж до чего доб (крепок. — Е. И.) был, а едва в портки не настял; уши как заложило — ой!*). Нередко внутри повествования появляется *чудесный помощник*: это кто-то из членов экипажа (*А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов. Мне — видит, что я уж помирать собралась — говорит: «Баушка, не бойсё, у нас командир хорошей, нормально долетим!»*), сидящий рядом пассажир (*Мужичок с им сидел, дак говорит: «Садись, отец, ко проходу, не смотри вниз-то!»*), более опытный, технически грамотный родственник или знакомый (*Боялись девки лететь-то самолётом, дак Коля к им приходил, объяснял, как самолёт по воздуху летит — не по пустому же месту!*) и др. Развязкой становится описание приземления летательного аппарата (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*), за которым следует более или менее подробное описание последующих действий прилетевшего уже на земле (*Вроде, почувствовалась, а встать не могу — забыла, что верёвкой-то привязалась! Как-то отпуталась, котомку забрала, а ноги не больно дёржат*). На фоне привычных, давно усвоенных, регламентированных действий других участников процесса (*Ну, — говорят, — полёт окончен, выходите!*; *А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов*) рассказчик подчёркивает специфичность эмоционального состояния человека, впервые совершающего воздушный перелёт (*Смотрю: как-то все путнё сидят, один только дедко охаёт да кристицицё, тожо, поди, как я, первой раз полетел*), в равной мере обращаясь к небесным покровителям (*Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?; Я уж какиё от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала!*) и прибегая к сниженной образности, в целом свойственной речевой культуре сельской повседневности (*Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы ишишо, а тут дак только косточки сбрыкают!*).

Необходимость реализации коммуникативных задач, которые ставит перед собой рассказчик, определяет выбор языковых средств. Обращают на себя внимание ярко выраженная акциональность (*едь, зашла, побежал, оторвались, летим, поболтало, выходите* и др.) и оценочность (*боязно, стыдно, хорошей, нормально* и др.), в том числе выраженная деривационными ресурсами (*большинской, малюхонькое, маленько* и др.), активное употребление устойчивых оборотов речи (*понеси-ко, водяной, Царица Небесная, только косточки сбрыкают* и др.), экспрессивно выразительных морфологических форм глагола и отглагольных образований (*сбрыкают, переблевалась, хлоп* и др.), образных сравнений (*оболоко, как молоко*), оли-

цветворений (*трава под им ходит*), а также средств экспрессивного синтаксиса устной речи: «Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?»; уши как заложило — ой!; Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? <...> «Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы ишишо, а тут дак только косточки сбрыкают!».

Рассказам диалектоносителей о перелётах воздушным транспортом, как мы смогли убедиться, свойственны антропо- и эгоцентричность (кульминационный центр повествования — переживание личного опыта полёта), событийность и образность (полёт мыслится как одно из наиболее ярких событий в жизни информанта), а также речевая типологизация, определяющая подобного рода тексты как промежуточные между бытовым и фольклорным нарративом. Так проявляются, по мнению В. Е. Гольдина специфические черты диалектного повествования, связующей основой которого выступают важнейшие категории сознания — событие и человек в событии [Гольдин, 2009, с. 3].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, система путей сообщения и транспортных средств вологодского крестьянина представляет собой динамично развивающуюся систему, вербализация представлений о которой определяется типологическими свойствами диалектной языковой картины мира: её фрагментарным, парцеллированным характером (вербализуется лишь то, что имеет непосредственный интерес для диалектоносителя), приоритетностью идей биологического выживания человека в суровых природных условиях и его социальной адаптации в сельской общине, интересом к практической стороне жизни, более длительным сохранением традиционных ценностей, ярко выраженной оценочностью и экспрессивностью [Ильина, 2022, с. 215]. Особенности этой системы зависят также от изменений социально-экономических и культурных условий жизни деревни: максимально широкий спектр транспортных средств использовался нашими информантами в 50—80-х годах XX века, изменяясь к настоящему времени в сторону приоритетности наземного, в том числе автомобильного, транспорта.

Источники и принятые сокращения

1. СВГ — *Словарь вологодских говоров* / науч. ред. Т. Г. Паникаровская. Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический институт ; Вологодский государственный педагогический университет, 1983—2007. — Выпуск 1—12.

2. КСВГ — *Картошка* «Словаря вологодских говоров» (хранится в кабинете диалектологии Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета).

Литература

1. *Андреева Е. П.* Фразеосемантическая система режского говора на фоне общерусской фразеологии / Е. П. Андреева // Севернорусские говоры. — 2015. — № 14. — С. 167—185.
2. *Андреева Е. П.* Названия дорог в вологодских говорах : семантика, словообразовательные отношения / Е. П. Андреева // Русский язык в школе. — 2018. — Т. 79. — № 7. — С. 77—82. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-77-82.
3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Наука, 1979. — С. 237—280.
4. *Букринская И. А.* Из опыта исследования монологической диалектной речи : фольклорные и бытовые тексты / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2014. — С. 155—164.
5. *Ганичева С. А.* Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области 2015 [Электронный ресурс] / С. А. Ганичева. — Режим доступа : // <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения 21.09.2022).
6. *Ганичева С. А.* Болота в мировосприятии вологодского крестьянина / С. А. Ганичева. А. Б. Крылова // Успехи современного естествознания. — 2011. — № 7. — С. 22—23.
7. *Гольдин В. Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения / В. Е. Гольдин // Аванесовский сборник. — Москва : Наука, 2002. — С. 58—64.
8. *Гольдин В. Е.* Повествование в диалектном дискурсе / В. Е. Гольдин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2009. — № 1. — С. 3—7.
9. *Драчева Ю. Н.* Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. Н. Драчева. — Вологда, 2011. — 274 с.
10. *Зорина Л. Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры : монография / Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВоГУ, 2012. — 216 с. — ISBN 978-5-87822-494-9.
11. *Зубова Н. Н.* Языковая личность жительницы Русского Севера : опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Зубова. — Вологда, 2017. — 206 с.
12. *Ильин А. П.* “Малая авиация” Вологодской области : история, значение для обеспечения безопасности / А. П. Ильин, А. А. Морозова // Системы обеспечения техносферной безопасности : Материалы V Всероссийской конференции и школы для молодых ученых (с международным участием). — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2018. — С. 33—35.
13. *Ильина Е. Н.* Рукописный архив В. А. Морозова как лингвистический источник / Е. Н. Ильина // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы международной конференции. — Москва : ИРЯ РАН, 2018. — С. 108—110.
14. *Ильина Е. Н.* Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова. — Вологда : ВоГУ, 2019. — Часть II. Детство. — 176 с. (а). — ISBN 978-5-87851-858-1.
15. *Ильина Е. Н.* Транспорт и пути сообщения в борбушинском говоре / Е. Н. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 2. — С. 212—216. — DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216.

16. *Картышева М. С.* Архангельские пути-дороги / М. С. Картышева // Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. — Выпуск 12. — С. 64—83. — ISBN 5-288-02887-7.

17. *Кирилова Е. А.* Структура сложных слов в современных вологодских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Кирилова. — Вологда : ВГПУ, 2008. — 203 с.

18. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект : монография / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Русские словари, 1999. — 396 с. — ISBN 5-93259-005-X.

19. *Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи* : сборник научных статей / гл. ред. Г. В. Судаков. — Вологда : Русь, 2004. — 95 с.

20. *Народная речь Вологодского края* : материалы по русской диалектологии : монография. — Вологда : Легия, 2012. — 100 с.

21. *Народная речь Вологодского края* : между прошлым и будущим: монография / гл. ред. Е. Н. Ильина. — Вологда : ВоГУ, 2015. — 256 с.

22. *Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета* : монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов, Е. Н. Ильина, М. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ ; Череповец : ЧГУ, 2017. — 232 с.

23. *Программа* собрания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : в 2 ч. / под ред. И. А. Попова. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1994. — ISBN 5-88014-002-4.

24. *Режские* тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта : монография / гл. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВоГУ, 2016. — 261 с. — ISBN 978-5-905-611-14-8.

25. *Цивьян Т. В.* Мифологическое программирование повседневной жизни / Т. В. Цивьян // Этнические стереотипы поведения : Сборник статей / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Под ред. А. К. Байбурина. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1985. — С. 154—178.

26. *Черванева В. А.* Речевые жанры мифологического текста : субжанр личной интерпретации / В. А. Черванева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2007. — С. 76—78.

27. *Яцкевич Л. Г.* Очерки морфологии вологодских говоров : монография / Л. Г. Яцкевич. — Вологда : ВГПУ, 2013. — 244 с. — ISBN 978-5-87822-533-5.

28. *Яшин А. Я.* Вологодская свадьба / А. Я. Яшин // Новый мир. — 1962. — № 12. — С. 3—26.

Material resources

Card file "Dictionary of Vologda dialects" (stored in the office of Dialectology of the Institute of Social Sciences and Humanities of Vologda State University). (In Russ.).

Dictionary of Vologda dialects, 1—12. (1983—2007). Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (In Russ.).

References

Andreeva, E. P. (2015). Phraseosemantic system of the Polish dialect against the background of all-Russian phraseology. *Northern Russian dialects, 14*: 167—185. (In Russ.).

- Andreeva, E. P. (2018). Names of roads in Vologda dialects: semantics, word-formation relations. *Russian language at school*, 79 (7): 77—82. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-77-82. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In: *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Nauka. 237—280. (In Russ.).
- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2014). From the experience of monological dialect speech research: folklore and everyday texts. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014*. St. Petersburg: OR RAS. 155—164. (In Russ.).
- Chervaneva, V. A. (2007). Speech genres of mythological text: a subgenre of personal interpretation. *Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology. Journalism*. 76—78. (In Russ.).
- Dracheva, Yu. N. (2011). *Structural and semantic features of adverbs in modern Vologda dialects*. PhD Diss. Vologda. 274 p. (In Russ.).
- Folk speech of the Vologda Region: the experience of male speech portrait: monograph*. (2017). Vologda: VSU; Cherepovets: ChSU. 232 p. (In Russ.).
- Ganicheva, S. A. *Materials for the dictionary a native of the Kirillovsky district of the Vologda region 2015*. Available at: // <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
- Ganicheva, S. A., Krylova, A. B. (2011). Bogs in the worldview of the Vologda peasant. *Successes of modern natural science*, 7: 22—23. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (2002). Dominants of traditional rural culture of speech communication. In: *Avanesovsky collection*. Moscow: Nauka. 58—64. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (2009). Narration in dialect discourse. *Bulletin of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 1: 3—7. (In Russ.).
- Ilyin, A. P., Morozova, A. A. (2018). “Small aviation” Vologda region: history, importance for security. In: *Technosphere security systems: Materials of the V All-Russian Conference and School for Young Scientists (with international participation)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University. 33—35. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. (2018). Morozov’s manuscript archive as a linguistic source. In: *Actual problems of Russian dialectology: materials of the international conference*. Moscow: IRYA RAS. 108—110. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. (2022). Transport and communication routes in the Borbushinsky dialect. *Bulletin of Kostroma State University*, 28 (2): 212—216. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216. (In Russ.).
- Ilyina, E. N., Komissarova, T. G. (2019). *The linguistic picture of the Vologda peasant’s world: a monograph, II. Childhood*. Vologda: VSU. 176 p. (a). ISBN 978-5-87851-858-1. (In Russ.).
- Kartysheva, M. S. (2012). Arkhangelsk ways-roads. In: *Northern Russian dialects*, 12. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 64—83. ISBN 5-288-02887-7. (In Russ.).
- Kirilova, E. A. (2008). *The structure of compound words in modern Vologda dialects*. PhD Diss. Vologda: VSPU. 203 p. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999). *Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect: monograph*. Moscow: Russian Dictionaries. 396 p. ISBN 5-93259-005-X. (In Russ.).
- Russian texts as a source of ethnolinguistic description of the Northern Russian dialect: monograph. (2016). Vologda: VSU. 261 p. ISBN 978-5-905-611-14-8. (In Russ.).

- The world of the Vologda peasant in the mirror of native speech: a collection of scientific articles.* (2004). Vologda: Rus. 95 p. (In Russ.).
- The folk speech of the Vologda Region: materials on Russian dialectology: monograph.* (2012). Vologda: Legia. 100 p. (In Russ.).
- The people's speech of the Vologda Region: between the past and the future: monograph.* (2015). Vologda: VSU. 256 p. (In Russ.).
- The program of collecting information for the Lexical atlas of Russian folk dialects: in 2 hours.* (1994). St. Petersburg: ILI RAS. ISBN 5-88014-002-4. (In Russ.).
- Tsivyan, T. V. (1985). Mythological programming of everyday life. In: *Ethnic stereotypes of behavior: Collection of articles / USSR Academy of Sciences. Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay.* Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 154—178. (In Russ.).
- Yashin, A. Ya. (1962). Vologda wedding. *Novy Mir*, 12: 3—26. (In Russ.).
- Yatskevich, L. G. (2013). *Essays on the morphology of Vologda dialects: monograph.* Vologda: VSPU. 244 p. ISBN 978-5-87822-533-5. (In Russ.).
- Zorina, L. Y. (2012). *Vologda dialect benevolence in the context of traditional folk culture: monograph.* Vologda: VSU. 216 p. ISBN 978-5-87822-494-9. (In Russ.).
- Zubova, N. N. (2017). *Linguistic personality of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic description.* PhD Diss. Vologda. 206 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.12.2022,
одобрена после рецензирования 03.01.2023,
подготовлена к публикации 20.01.2023.